

Сергей Тенятников

В ТЕМНОТЕ

1

в темноте, в квартире, в кресле
почувствуй себя голым царем,
прямой речью. стихи являются,
когда призрак беспризорника касается струны,
летающей, плывущей, вечной —
когда бабочка ночная превращается в свечку,
когда баночка консервная мечет икру на тарелочку,
когда век вшивают в человечка клеточку.

2

я с детства был пуглив в толпе.
любил смотреть, как ящерица
сбрасывает хвост, и раздувать
в бору брусничника угли.
и клад колодца, и камень щуки,
и деготь комара, и мясо дров
со мною откровенны были.
и, как дневник, мне открывалось племя.

3

я извлекаю из себя корень, жало, имя,
чтобы пчела вновь зазвенела.
так святой Франциск вынимал
из-за пазухи золотые шары.

но эти дары нельзя разглядеть,
даже сняв одежду. на то, чтобы
их извлечь, уйдет жизнь,
пока кровью не насытится сердце.

4

я ненароком повторяю,
что нет ни богов, ни героев,
что граница стерлась между
общечеловеческим и человекообразным.
потому лучше врать наперед,
что я император пера, сославший
себя сам на остров, как в ящик стола,
не найдя себе места в зеркалах пустых.

5

я знаю, когда кончаются романы,
как тает и чадит империя-ледник.
мы руки греем, жмем, а ждем
медвежьего объятья, и выживаем из ума.
себе мы сами ни свояки, ни братья.
точно ослепшие клубни картофельной зимы,
со дна окопов глядим мы в телескопы
на нищий мир, роскошный мир.

6

я жил в четырех странах, в четырех стенах,
среди четырех времен года.
пятое время пришло им на смену.
от материка материи отрезав лишний кусок,

портной заштопал море. теперь остров
лежит в море, открытый со всех сторон,
в ожидании, когда в аэропорт придут,
точно туристы, новые евангелисты.

7

когда бы я был дево́й или роялем,
и меня бы какой-нибудь мужлан во фраке лапал,
и волосы мои текли и блестели бы, точно мед,
от меня было бы больше пользы, чем от мертвой пчелы.
но я жив — везунчик — слушаю
предрассветное хихиканье Мандельштама.
и хотя я не ведаю, что будет послезавтра, прошу:
сотвори и впредь миры с квартирой, темнотой, креслом.